

К 125-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

ОРУЖИЕМ КРИТИКИ

Г. Москина
«Советская культура»

4 ФЕВ 1961

ПРЕКРАСНА и трагична судьба этого человека, не прожившего и двадцати шести лет. «Бедное детство в доме бедного священника, бедное, полуголодное учение, потом четыре года лихорадочного неутомимого труда и, наконец, год за границей, проведенный в предчувствиях смерти, — вот и вся биография Добролюбова», — с грустью вспоминал Н. А. Некрасов. Но за этой внешне небогатой, короткой биографией стоит жизнь, наполненная таким горением ума и сердца, такими богатырскими свершениями, что имя этого юноши навечно вписано в историю русской и мировой культуры рядом с блистательными именами Радищева, Белинского, Герцена, Чернышевского.

Великий революционный демократ, философ-материалист и атеист, критик и историк, педагог и поэт, Н. А. Добролюбов был верным соратником вождя крестьянской революции Н. Г. Чернышевского. Ф. Энгельс писал: «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет...». А основатель нашей партии, на плечи которой легла историческая миссия вывести эту страну из нищеты и рабства в царство свободы, великий Ленин дал высокую оценку революционной деятельности Чернышевского и Добролюбова, назвав их предшественниками русской социал-демократии.

О чем бы ни писал Добролюбов, а, кажется, не было скольнибудь значительного вопроса той эпохи, на который бы он не откликнулся, он все оценивал с позиций революционно-демократического, ненавидящего гнет и произвол, страстно ждавшего народного восстания против «внутренних турок», творивших в «темном

царстве» темные дела под эгидой монарха. Огненным пафосом бойца, гражданина и патриота своей родины пронизана вся публицистика, вся литературно-критическая деятельность Добролюбова.

«Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Когда же придет настоящий день?» и многое другое — это не просто блестящие статьи о выдающихся творениях русской литературы и искусства, каждый раз — это ратный подвиг во имя свободы и счастья народа.

Н. А. Некрасов, поэзия которого подвергалась жесточайшим цензурным «эзекуциям», сравнивал свою Музу с женщиной, истязуемой кнутом на Сенной площади. Публицистика Добролюбова подвергалась еще более жестоким попыткам. Статьи великого критика выходили из казематов цензуры ужасающе обескровленными и изуродованными. Но как ни усердствовали царские сапаты, они не могли изгнать из них главного — неукротимого духа их творца. И этот гордый, свободлюбивый дух витал над всей Россией, пробуждая дремлющих, укрепляя силы уставших, зажигая сердца жаждой борьбы и действия.

Для нас творчество Добролюбова навсегда останется высочайшим образцом активного вторжения художественной критики не только в процессы развития искусства, но и в самую жизнь — вторжения, плодотворно воздействующего на то и другое. Но этим не исчерпывается громадное значение наследия славного критика. Его острое, отточенное слово и поныне остается нержавеющей оружей в борьбе за передовое искусство, оно безотказно служит нам в ожесточенных схватках против всех явных и замаскированных врагов народности и реализма.

Развивая принципы материалистической эстетики Белинского и Чернышевского, Добролюбов страстно боролся за правдивое, реалистическое искусство, одухотворенное передовыми идеями своего времени, неразрывно связанное с жизнью, раскрывающее самые существенные стороны действительности. Он требует от литературы «одного качества, без которого в ней не может быть никаких достоинств, именно — правды». И, подчеркнув это, здесь же разъясняет: «Но правда есть необходимое условие, а еще не достоинство произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся».

Непримиримый ко всякой фальши и лжи в искусстве, ко всяким дутым авторитетам, Добролюбов восхищался Островским именно потому, что этот правдивый художник «очень полно и многосторонне умел изобразить существенные стороны и требования русской жизни», что в его пьесах дело «представляется не с поверхностности, а с самого корня», и потому критик справедливо называл их «песами жизни».

С непреклонностью идейного вождя революционной демократии Добролюбов утверждал принцип народности литературы и искусства, общественное назначение которых он видел в том, чтобы «служить выражением народной жизни, народных стремлений».

В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы», указывая, что на современном ему Западе каждый вопрос обсуждается «сообразно интересам различных партий», великий критик, однако, зорко подмечает: «Но дурно вот что: между десятками различных партий почти

никогда нет партии народа в литературе».

Весь пафос названной статьи, как и ряда других, и состоит в том, что Добролюбов призывает русских писателей возвыситься «до понимания народных интересов», сознательно встать на позицию трудящихся, обратиться «к свежим, здоровым росткам народной жизни, помочь их правильному, успешному росту и цвету, предохранить от порчи их прекрасные и обильные плоды...». Каждая строка, написанная рукой этого народного трибуна, дышала современностью и звала к воплощению тем современности с позиций народных масс.

Огромен размах общественной деятельности Добролюбова, велики его заслуги перед отечественной литературой и искусством, что по достоинству оценили уже современники. Он вел непрерывные бои с приверженцами теории «чистого искусства», убийственной иронией уничтожал глашатаев «вечных и общих» законов искусства, усвоивших эти «законы» из мертващих филистерских «пийтиков», утверждал принципы подлинно научной эстетики и критики, пролагал дорогу в жизнь лучшим творениям русской литературы и искусства того времени, с непревзойденной глубиной раскрывая их социальное и идейно-эстетическое значение.

В трудах Добролюбова повсюду встретишь золотые россыпи идей, оценок, суждений, над которыми время как бы не властно. Сколь свежо и современно звучат хотя бы такие слова, сказанные столетие назад: «Здесь мы расходимся с приверженцами так называемого искусства для искусства, которые полагают, что превосходное изображение древесного листочка столь же важно, как, например, превосходное

изображение характера человека... Мы никогда не согласимся, чтобы поэт, тратящий свой талант на образцовые описания листочков и ручейков, мог иметь одинаковое значение с тем, кто с равной силой таланта умеет воспроизводить, например, явления общественной жизни».

Либерально-буржуазная и эстетская критика пыталась обвинить своего могучего идейного противника в пренебрежении к вопросам художественного мастерства. Но именно Добролюбов первым раскрыл достоинства пьес Островского как подлинно новаторских произведений не только по содержанию, но и по форме. Именно Добролюбов с изумительной точностью определил особенности художественной манеры Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и других выдающихся мастеров слова.

...«О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем он хотел тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих», — так писал Чернышевский о своем молодом друге и соратнике. Исполнились вехи слова. Осуществились заветные мечты Добролюбова — свободен и счастлив стал его народ, который навсегда сохранит имя гениального юноши в своем благодарном сердце.

П. СТРОКОВ